

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.53>

Ребрина Лариса Николаевна

[Русскоязычные онлайн-петиции в контексте медиатизации и постулатов Гарвардской школы конфликтологии](#)

Цель исследования - охарактеризовать русскоязычные онлайн-петиции как актуальную практику протестной коммуникации в контексте медиатизации политики и постулатов социологии конфликта. Научная новизна работы заключается в системно коммуникативном подходе к изучению протестной коммуникации, междисциплинарной интеграции достижений дискурсивной лингвистики, социологии и политологии. В результате определены регулярные проявления феномена медиатизации и охарактеризована удовлетворительность коммуникации в рамках анализируемых протестных практик, что вносит определенный вклад в осмысление современного протеста, взаимосвязи технологических и социокультурных изменений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/53.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 266-271. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

23. **The 5 Things Parents Should Do in Front of Their Children** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pinterest.ca/pin/487514728397551429/> (дата обращения: 15.03.2018).
24. **The Wrong Question Parents Keep Asking** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.creativechild.com/articles/view/the-wrong-question-parents-keep-asking> (дата обращения: 03.12.2019).
25. **Translation in context from English into Russian** [Электронный ресурс]. URL: <http://context.reverso.net> (дата обращения: 29.02.2020).
26. **21 Ways to Reach a Child's Heart** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rebeccaeanes.com/21-ways-to-reach-a-childs-heart-2/> (дата обращения: 27.02.2018).

Metaphor as Pedagogical Discourse Construct (by the Material of the English Language)

Perelgut Nadezhda Mayerovna, PhD
Nizhnevartovsk State University
nadezhda.perelgut@gmail.com

Yanovskaya Anastasiya Vladimirovna
Secondary School № 13, Nizhnevartovsk
anastasiya.the.third@gmail.com

The article is devoted to studying metaphors in pedagogical discourse, which are considered from the cognitive standpoint. The research aims to determine patterns of metaphorisation in describing education process centred on a child. Scientific novelty of the study lies in the fact that it presents a layered classification of metaphors: a child and their qualities, family interaction, close social circle and wider ones. As a result, metaphorisation mechanisms at different levels are analysed, denotative and connotative components of a metaphor are identified. Frequency and nomenclature of metaphors testify to the importance of family in education process.

Key words and phrases: cognitive metaphor; metaphorical model; conceptual ground; pedagogical discourse; source domain; target domain.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.53>

Дата поступления рукописи: 29.04.2020

Цель исследования – охарактеризовать русскоязычные онлайн-петиции как актуальную практику протестной коммуникации в контексте медиатизации политики и постулатов социологии конфликта. **Научная новизна** работы заключается в системном коммуникативном подходе к изучению протестной коммуникации, междисциплинарной интеграции достижений дискурсивной лингвистики, социологии и политологии. **В результате** определены регулярные проявления феномена медиатизации и охарактеризована удовлетворительность коммуникации в рамках анализируемых протестных практик, что вносит определенный вклад в осмысление современного протеста, взаимосвязи технологических и социокультурных изменений.

Ключевые слова и фразы: протестная коммуникация; онлайн-петиции; петиционная платформа; медиатизация; концепция «принципиальных переговоров».

Ребрина Лариса Николаевна, д. филол. н., доц.
Волгоградский государственный университет
lnrebrina@volsu.ru

Русскоязычные онлайн-петиции в контексте медиатизации и постулатов Гарвардской школы конфликтологии

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193
(The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193).*

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная протестная коммуникация, функционирующая в условиях активного развития информационно-коммуникативных, социальных технологий, является малоизученным в лингвистике объектом исследования. Изменения современной ретивальной массовой коммуникации сопряжены с трансформациями ее форм и структуры коммуникативного опыта субъекта, медиатизацией личности и многих сфер жизни общества, новыми форматами и механизмами виртуально-опосредованных коллективных взаимодействий, новым отношением к информации, умножением и изменением самих субъектов коммуникации. **Задачи** исследования: описать проявления в исследуемых практиках феномена медиатизации политики и личности (в том числе формируемого Net-мышления), охарактеризовать удовлетворительность коммуникации граждан и власти в контексте соблюдения постулатов Гарвардской школы конфликтологии. Традиционные **методы** дискурс-анализа применяются в соответствии с выбранными интегративным подходом, позволяющим использовать достижения лингвистики (прежде всего теорий

массовой коммуникации, речевого воздействия, дискурсивной лингвистики, прагмалингвистики), социологии, политологии и медиапсихологии; системно-коммуникативным подходом [1], в рамках которого протест интерпретируется как коммуникативная система со своими пространственно-временными, коллективно-личностными и предметными измерениями. **Практическая значимость** полученных результатов видится в возможности их применения в сфере регулирования протестного поведения посредством оптимизации коммуникации сторон; в дальнейшем осмыслении протеста как части современного социокультурного пространства. **Теоретическая база** основывается на научных тезисах о системно-коммуникативной автономии протеста, характеризующегося единством проактивного и реактивного [Там же]; взаимосвязи технологических изменений и социокультурных трансформаций, политической сферы и медиа-сферы; о дискурсивном конструировании реальности и субъектов коммуникации [7; 8; 17; 22; 26; 27]; об интегративной дискурсивной и жанровой природе, комплексном адресанте и адресате онлайн-петиции [19]; о конструктивном потенциале конфликта, на понимании протестной коммуникации как коммуникативной практики разрешения конфликта [23; 24]; на дефиниции онлайн-петиции как характеризующейся гетерогенностью участников [19] современной конвенциональной мобилизационной формы политического участия граждан, относящейся к прямой демократии, определяемой как партиципация, активный конструктивный протест. Материал исследования – русскоязычные онлайн-петиции на официальной петиционной платформе «Российская общественная инициатива» (РОИ). На платформе размещено (на 27.04.2020) 17115 петиций; рубрикаторы: «живая лента»; «популярные»; «последние»; «архивные»; «принято решение»; «на рассмотрении» с возможностью упорядочивания списка по возрастанию/убыванию количества голосов, поиска по фильтрам «уровень» (федеральный/региональный/муниципальный) и «разделы» (19 тематических разделов); информация к каждой петиции: дата окончания голосования, количество голосов «за»/«против»; другие инициативы адресанта; соотношение количества голосов и необходимой квоты на заявленном уровне. Предлагается шаблонная форма, благодаря чему петиции имеют устойчивую композиционную структуру (основная часть, практический результат, решение).

Русскоязычные онлайн-петиции как актуальная протестная практика в контексте медиатизации политики и личности

Современное пространство политики характеризуется такими конститутивными признаками, как медиатизация (впервые отмечена сторонниками теории информационного общества) и виртуализация, когда политическая сфера для массового адресата является продуктом восприятия виртуальных образов, стереотипов, симулякров [3]; политика, все больше уподобляясь медиапроцессу, нацелена прежде всего на контроль восприятия медиареальности, формирование и удовлетворение ожиданий массового адресата, в том числе посредством распространяющейся «медиа-представительной демократии» [7; 12]; власть медиареальности поддерживается медиатизацией общения [21; 25]. Медийный формат обуславливает характеристики информации, семиотические системы и средства. Метаконцепт «медиатизация» позволяет осмыслить взаимообусловленность изменений технологического и социокультурного.

К проявлениям медиатизации в исследуемых русскоязычных петициях следует отнести следующие факты:

1. Редукция дискурсивно конструируемой социальной реальности, проявляющаяся в предъявлении массовому адресату упрощенных образов как компенсационный механизм на фоне растущих потоков информации (примеры объективации в текстах петиций: преобладание психологической аргументации; повышение статуса доводов к эмоциям как более не нуждающихся в обязательном фактологическом подкреплении (в том числе игнорирование адресантом отсылки к достоверным источникам информации); отсутствие предъявления «минусов» и сложностей осуществления предлагаемых решений, аргументов оппонента – субъекта власти). При этом «упакованные должным образом» симплифицированные образы и взаимосвязи выполняют не только объяснительную, но и регулирующую, мотивационную функции в условиях модульного восприятия.

2. Расширяющаяся социальная импlosion [2; 3]; примеры объективации в текстах петиций: отождествление отправителя и получателя (трансформация подписантов петиции в со-адресантов онлайн-петиций); виртуальность (в том числе продуцирование интернет-контента как Я-ресурса, основы идентичности автора; технический детерминизм данных процессов), интернет-солидарность, сетевые структуры, в которых индивиды могут быть и центром, и управляемыми объектами, как новые формы социальности; публичная субъективность (ее степень определяется выбираемым вектором воздействия – установка на привлечение подписантов / на убеждение субъекта власти) [19].

3. Умножение субъекта коммуникации (как отражение социально-психологических причин медиатизации разных сфер жизни общества и медиатизации личности), продуцирующих собственный публичный контент (независимо от наличия/отсутствия медийного опыта и компетентности в конкретной сфере); усложнение коммуникантов (категории адресата и адресанта).

4. Посредническое предъявление и разрешение конфликтов в рамках концепции «мягкой силы» [Там же]; персонализация политики (примеры объективации в текстах петиций: конкретный целевой адресат – конкретный орган власти определенного уровня адресации / конкретный политик; индивидуальный выбор тем адресантами и подписантами; возможность выбора региона для отображения муниципальных инициатив; индивидуальные рекомендации петиций платформой; индивидуализированные способы распространения петиции (Поделиться); наличие личного кабинета с отображением индивидуальной активности – инициированных / подписанных / избранных (отслеживаемых) петиций, сообщений).

5. Трансгрессивность, характеризующая коммуникативное поведение участников (цели, стратегии, средства) и конечный продукт; проявляющаяся на уровне информационной структуры, композиции, языковых

и стилистических средств текста; являющаяся следствием ускорения темпа жизни, современных социальных, информационных и коммуникационных технологий; отражающая тенденцию развития медиа, нацеленную на обеспечение приоритета формируемой медиареальности без наращивания ресурсов и затрат; заключающаяся в ориентированности на увеличение целенаправленной «силы текста» и «коммуникативной воли» адресанта [21; 25]. Анализируемые онлайн-петиции на фоне превалирующей реализации стабильной композиционной модели (основная часть – практический результат – решение) демонстрирует наличие структурных (нетрадиционных для текста) элементов с высоким трансгрессивным потенциалом (нацеленных на умножение «силы текста»):

а) изображение и видео, выполняющие функцию визуализации и комплементации (взаимодополняющее действие нескольких форматов, модусов восприятия; С. Сонтаг в целом говорит о росте значимости визуализации, вуайеристском отношении к миру [20]); например: петицию «За строительство подземного метро в районе Северный (г. Москва) и социальной инфраструктуры» сопровождает множество изображений, подтверждающих/дополняющих/иллюстрирующих изложенные факты и размышления (например: «эскиз северный 899-ПП 3D.jpg»; «эскиз северный 899-ПП.jpg»; «genplan_sever_e349f03f4c90»; «2019-03-04_22-55-45.png» [4], сопровождающие петицию «За строительство подземного метро в районе Северный (г. Москва) и социальной инфраструктуры»); все петиции снабжены интерактивной картой, отображающей тематизируемый объект / место инициации петиции;

б) гиперссылки, способствующие увеличению смысловой глубины текста с воспроизводимой композиционной моделью, обеспечивающие индивидуальную траекторию информационного обмена, интеграции и интерпретации смысловых блоков (например: петиция «Построить спортивный автодром международного уровня в городе Волгограде» содержит гиперссылку: «Дополнительные материалы RgpyCRizBCo.jpg» [16]);

в) модульный тип текста (в частности, отведенные композиционные блоки-рамки «Практический результат», «Решение» с их относительной содержательной, графической, структурно-грамматической автономностью), диктующий речевое мышление и усиливающий визуализацию информационной структуры, создающий предпосылки для большей плотности содержания и общего сценарного плана коммуникативных действий (результат – частая подача информации в форме нумерованного списка).

К проявлениям трансгрессивности относится также инридиопатия [21] как трансгрессивная стратегия воздействия, заключающаяся в публичном высмеивании и направленная на самопрезентацию и симплификацию (следует отметить периферийный характер данного явления в анализируемых практиках ввиду их адресации субъекту власти и осуществляемой платформой «цензуры»; например: *...для проезда чиновников по Рублевскому шоссе перекрывается движение по МКАД в обоих направлениях!!! Зачем??? Руководители государства боятся своих граждан??? Могут плюнуть с моста на броневую машину и крышу пробьют?* [5]; *Вы ничего не поняли? Так и было задумано, а на русский язык это переводится так: мы решили провести ЧМ по футболу, поэтому извините, за ваш счёт весь банкет – отнимаем социальные пособия* [11]).

Закономерным следствием глобального характера информационных и коммуникативных процессов, сопряженности и разнонаправленности расширяющихся надиндивидуальных процессов и индивидуализма, усиления и взаимодействия публичности и субъективности, нарастания информационных потоков является формирующееся Net-мышление как адаптивный механизм сознания, также отражающий современные медиацию и медиатизацию. Основными атрибутами формируемого Net-мышления, по мнению целого ряда исследователей, выступает его нелинейный, сетевой, многовекторный характер [8; 17; 22; 27]. К специфическим проявлениям Net-мышления в анализируемом материале можно отнести: а) предполагаемую готовность адресата обращаться с синкретизмом языковых манифестаций и симультанной информации разной модальности (дискурсивная и жанровая гибридность, наличие отсылок к другим ресурсам, комбинирование разных форматов информации); б) преобладание «комбинаторики над силлогистикой»: значимость комбинирования элементов композиции, сочетания аргументов на фоне недостатка логических связей и построений [8]; в) предполагаемая готовность использовать вариативный, не диктуемый структурой сообщения открытого текста алгоритм обработки информации, индивидуализация траектории информирования адресата (гипертекст как множество динамических потенциалов, реализация индивидуального «движения» информации); г) меняющаяся рациональность: готовность работать с неполной/чрезмерной информацией (отсылки к дополнительной, «внешней» информации, с одной стороны; дефицит фактологической аргументации, встречающаяся крайняя сжатость изложения, с другой стороны [15]; толерантное отношение к неопределенности (отсутствие указания на достоверные источники информации, субъективность, отклонения от логики изложения); пересмотр ценности доводов: предъявление эмоциональных доводов как не менее ценных, чем логические или фактические (см. о частотности психологической аргументации)); д) некоторая «неавтономность», ориентированность адресанта на дополнение, «усиление» от лица других пользователей – массового адресата (установка на привлечение подписантов, конститутивная роль обмена согласием) [8; 17; 22; 27].

Характеристика онлайн-петиций на РОИ

в контексте постулатов Гарвардской школы конфликтологии

Концепция «Принципиальных переговоров» представителей Гарвардской школы Р. Фишера и У. Юрии [24] используется более полувека для менеджмента конфликтных ситуаций, демонстрируя возможность превращения конфликта в конструктивную силу, обеспечения оптимального результата в диалоге сторон, что определяет релевантность параметров данной концепции для оценки удовлетворительности коммуникации в рамках исследуемой протестной практики. Авторы концепции, критически переосмыслив жесткую и мягкую стратегии поведения сторон конфликта, определяют следующие параметры: участники, основа взаимодействия,

характеристика решений, критерии выбора решений; рассматривают стороны коммуникации как деловых партнеров, нацеленных в условиях конфликтной ситуации на оптимальное решение и сохранение отношений независимо от наличия/отсутствия взаимного доверия, поиск общих интересов и взаимовыгодных альтернатив.

Анализируемая практика обнаруживает комбинацию проявлений разных известных стратегий разрешения конфликта:

1) жесткой стратегии: а) мобилизация подписантов с целью формирования давления общественного мнения; б) критика целевого адресата (в 99,7% – федеральный уровень) – субъекта власти: частотность тактики критики целевого адресата как инструмент консолидации в рамках реализации фатической стратегии (66,29%); использование тактики обвинения оппонента при актуализации стратегии переведения тематизируемой ситуации в статус «проблема» (17,33%), например: *Все чаще наше правительство берет в свой штат своих друзей, родственников... [14]; их не волнуют интересы народа, который их избрал [9]*; в) представление своей точки зрения как единственной/всеобщей: тактики презентации оценки как разделяемой многими (46,92%) и как моральной аксиомы (16,73%), реализующие стратегию предъявления оценки;

2) стратегии взаимных компромиссов: в целом мало представлена, проявляется, например, в имеющем место предложении альтернатив решения / требований (единичные случаи): *Решение: Вариант № 1. Полностью запретить перекрытие движения... для проезда кортежей федеральных и региональных чиновников. Вариант № 2. 1. Запретить перекрытие движения... для проезда кортежей федеральных и региональных чиновников на время более 10 минут... 2. Полностью запретить перекрытие движения автотранспорта... при наличии пересечения дорог в разных уровнях [5]*;

3) стратегии затяжных переговоров: присутствует манипулирование фактами, в частности отсутствие указания на достоверные источники информации, приведение непроверенной информации (например: *Один из пугающих слухов – в Ленский район будут приходить... радиоактивные отходы... Еще одна версия – никакого предприятия... не построят [6]*).

Постулат № 1 Р. Фишера и У. Юри оговаривает конструируемые отношения сторон, предлагая «отделять людей от проблемы» [24], не переносить отрицательную оценку факта/ситуации на оппонента (прежде оценку положения дел на целевого адресата петиции), принимать во внимание восприятие оппонента (разная интерпретация реальности гражданами и властью, редукция реальности до согласующихся с позицией сторон фактов – основная сложность в условиях конфликта). Анализ материала свидетельствует о частичном несоблюдении данного постулата: а) имеющая место субъективность при дискурсивном конструировании проблемы – доминирование в рамках стратегии аргументирования тактики адресанта «психологическая аргументация» (61,12%); б) релевантность тактик, базирующихся на обвинении субъекта власти в рамках конструирования образа целевого адресата, фатической стратегии адресанта (основа консолидации против «общего противника») и стратегии обоснования статуса «проблема» конкретной ситуации. Следует отметить также дефицит тактик фатической стратегии инициатора петиции, направленных на выстраивание отношений с целевым адресатом; для расширения спектра соответствующих тактик (ориентированных как на массового, так и на целевого адресата), возможно, было бы целесообразно указание на положительные стороны комплексного адресата, например, в форме солидаризирующих «комплиментов» (что имеет место в немецкоязычных петициях [19]).

Постулат № 2 [24] раскрывает значимость акцентирования сторонами своих интересов (не позиций) и поиска общих интересов. Исследованный материал иллюстрирует несоблюдение данного постулата: а) отсутствие указаний на общие интересы сторон; б) элиминация отражения интересов, аргументов целевого адресата и возможных плюсов его решений; в) частотность в рамках стратегии подкрепленного/неподкрепленного предъявления оценки тактики презентации оценки как индивидуальной (27,91%), а также реализация в рамках стратегии самопрезентации тактики представления субъективного мнения (17,14%) на фоне активного употребления единиц с оценочной семантикой и категоричности предъявляемых индивидуальных оценок; г) актуализирующаяся в тексте петиций равнозначимость эмоционального и логического, субъективного и объективного (что проявляется в используемой аргументации; при этом степень субъективности коррелирует с доминированием установки на воздействие на массового адресата / на субъект власти, преобладанием признаков публицистического/делового стиля). Интересы массового адресата представляются наиболее явно в рамках фатической стратегии и доводов к этосу как одного из аргументов адресанта. Целесообразная рекомендация в контексте данного постулата – активизация усилий адресанта по отражению в тексте петиции общих интересов сторон (адресанта, со-адресантов, целевого адресата) как базы принципиального решения в условиях конфликта.

Постулат № 3 касается формата предложения решения и ориентирует на облегчение принятия решения оппоненту посредством предъявления альтернативных возможностей [Ibidem], что не находит реализации на описываемой петиционной платформе (за исключением единичных случаев, см. выше). Но данный факт следует скорее рассматривать не как подтверждение неудовлетворительности коммуникации, а как реализацию в анализируемом материале жанровой специфики (требование автора инициативы должно быть четким, однозначным, конкретным; размытые формулировки и наличие разных требований могут усложнить адресату принятие решения). Требование/предложение – базовая интенция адресанта описываемой протестной практики (другие интенции – выражение массовым адресатом посредством голосования согласия/несогласия с предлагаемым решением). Данная интенция объективируется в основной части петиции (в рамках предъявления аргументирования) и в разделе «Решение»; релевантное языковое средство – глаголы, допускающие перформативное употребление [18]; например: *Я предлагаю... пересмотреть ответственность за дебоши*

в поездах [13]... Р. Фишер и У. Юри в рамках своей концепции говорят о целесообразности для облегчения принятия решения сохранения сторонами «стабильного лица», что должно определять ориентацию на «выдерживание» выбранного вектора воздействия и стиля (деловой/публицистический) без резкой смены предъявляемых интересов, аргументационных установок.

Постулат № 4 на фоне отсутствующего отражения общих интересов приобретает особое значение, указывая на необходимость предъявления объективных, не определяемых интересами сторон критериев, аргументов, в качестве которых предлагаются нормы / правила / неединичные прецедентные случаи / авторитетные/экспертные мнения [24]. Интересы/аргументы оппонента в петициях не представлены (см. выше); апелляция к авторитету представляет собой периферийную тактику (8,44% среди тактик стратегии подкрепленного/неподкрепленного предъявления оценки), включая отсылку к прецедентным случаям; например: *Ни в одной... стране мира чиновники не имеют таких привилегий... как в РФ!* [5].

Анализ материала указывает на имеющее место использование адресантом петиций ряда рассмотренных Пирри Мэдсен «запрещенных аргументов» [10]: «недозволенное рассуждение» (суждение обо всем классе объектов выводится из не относящихся ко всему классу фактов); «аргумент к состраданию» (апелляция к этике без фактологического обоснования); «имитирующее доказательство» (использование логически не связанных с тезисом аргументов); «аргумент к верности» (традиция/приверженность как единственный довод); «аргумент к невежеству» (игра на неосведомленности адресата при отсутствии объективных критериев). Рассмотренные гибридные характеристики онлайн-петиций, закономерности дискурсивного конструирования адресанта, адресата и перспективно выстраиваемой проблемы указывают на наиболее частое нарушение четвертого и первого постулатов. С другой стороны, петиционная платформа способствует институализации протеста, реализуя конструктивный потенциал, создавая условия для мягкого менеджмента конфликтных ситуаций между гражданами и властью.

Выполненный анализ позволяет сделать следующие **выводы**. Конститутивные признаки русскоязычных онлайн-петиций определяют расширяющейся медиатизацией политики, получающей в данной протестной практике следующие проявления: симплифицирующая редукция дискурсивно конструируемой социальной реальности; расширяющаяся социальная имплюзия; умножение и усложнение субъекта коммуникации; медиация и персонализация политики; актуальность установки на трансгрессивность протестной коммуникации. Рассмотренная протестная практика иллюстрирует имеющее место формирование Net-мышления с его основными атрибутами – нелинейное, сетевое, многовекторное, – получающими отражение в текстах петиций: готовность иметь дело с синкретизмом симультанной информации разной модальности; превалирование комбинаторики над силлогистикой; вариативность алгоритма обработки информации и индивидуализация траектории информирования; особая рациональность (готовность работать с неполной/чрезмерной/неопределенной информацией); некоторая «неавтономность» продукта протестной коммуникации. Онлайн-петиции сочетают в себе черты разных стратегий разрешения конфликта; характеризуются частичным несоблюдением постулатов Гарвардской школы конфликтологии, нацеленных на обеспечение успешного менеджмента конфликтной ситуации и реализацию конструктивного потенциала конфликта; использованием адресантами петиций ряда «запрещенных аргументов». Перспективы исследования видятся в сопоставительном изучении коммуникативных практик протеста разных стран для определения общих характеристик и лингвосоциокультурной специфики современного протеста.

Список источников

1. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или Как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: КДУ, 2006. 389 с.
3. Бодрийяр Ж. Симюлякры и симюляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
4. За строительство подземного метро в районе Северный (г. Москва) и социальной инфраструктуры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/52440/> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Запретить перекрытие движения по автодорогам для проезда автотранспорта федеральных и региональных чиновников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/10563/> (дата обращения: 20.04.2020).
6. Запретить строительство полигона отходов на ж/д станции Шиес [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/47702/> (дата обращения: 20.04.2020).
7. Казмирчик Л. В. Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // Политические науки. Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 99-103.
8. Курбатов В. И. NET-мышление: новые реалии информационной эры // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 6. С. 173-181. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.14.
9. Лишить депутатов возможности поднимать себе зарплаты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/37166/> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Мэдсен П. Железные аргументы. Победа, даже если ты не прав. СПб.: Питер, 2013. 44 с.
11. Отменить Постановление Администрации Волгоградской области от 23 мая 2016 года № 253-п [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/41470/> (дата обращения: 20.04.2020).
12. Паулов С. В. Медиатизация политики и место СМИ в системе политической коммуникации // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 1 (46). С. 26-30.
13. Помогите остановить дебоширов в поездах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/57245/> (дата обращения: 20.04.2020).
14. Понизить зарплату депутатам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/44375/> (дата обращения: 20.04.2020).
15. Понизить зарплаты работников Госдумы до минимального прожиточного минимума [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/40562/> (дата обращения: 20.04.2020).
16. Построить спортивный автодром международного уровня в городе Волгограде [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/37179/> (дата обращения: 20.04.2020).

17. Пронина Е. Е. «Живой текст»: четыре стилиевых признака Net-мышления // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. № 6. С. 74-80.
18. Ребрина Л. Н., Генералова Л. М. Актуализация семантических ролей в протестной коммуникации (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. 2018. № 9. С. 98-116. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-98-116.
19. Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167.
20. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
21. Степанов В. Н. Трансгрессивность как сущностная характеристика современного медиатекста в мировой сети // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 149-158.
22. Шеметова Т. Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогичного мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4: в 3-х ч. Ч. 2. С. 254-259.
23. Deutsch M., Coleman P. T., Marcus E. C. The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2006. 941 p.
24. Fisher R., Ury W., Patton B. Getting to Yes: Negotiating Agreement without Giving. N. Y.: Penguin Books, 2011. 204 p.
25. Mediatization of Communication / ed. by K. Lundby. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 752 p.
26. Oniszczyk Z. Mediatization of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship // Studiów Medioznawczych. 2011. № 4 (47). P. 1-15.
27. Small G., Vorgan G. I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind. N. Y.: Harper-Collins, 2009. 256 p.

The Russian-Language Online Petitions in the Context of Mediatization and Postulates of Harvard Negotiation School

Rebrina Larisa Nikolaevna, Dr
Volgograd State University
lnrebrina@volsu.ru

The study aims to provide an insight into the Russian-language online petitions as a relevant practice of protest communication in the context of mediatization of politics and conflict postulates sociology. Scientific novelty of the research lies in the systemic communicative approach to studying protest communication, in interdisciplinary integration of advances in discourse linguistics, social and political studies. As a result of the study, regular manifestations of the mediatization phenomenon are identified and adequacy of communication within the analysed protest practices is characterised, which clearly contributes to understanding of modern protest and correlation between technologic and sociocultural changes.

Key words and phrases: protest communication; online petitions; petition platform; mediatization; conception of “principled negotiation”.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.54>

Дата поступления рукописи: 29.05.2020

Цель настоящей статьи – выявление общезыковых и этнокультурных признаков номинативных процессов в российской и французской спортивной терминологии и спортивном дискурсе. Научная новизна исследования состоит в выделении особенностей дискурсивных построений национальной языковой культуры в русле изучения семиотических механизмов функционирования специальных терминов как в пространстве законченного высказывания, так и на уровне номинативного фонда национального языка. Полученные результаты показали наличие как универсальных, так и национально-культурных признаков в семантике спортивных терминов, а также позволили обнаружить на уровне спортивного дискурса информацию о национальной культуре и менталитете носителей национального языка.

Ключевые слова и фразы: номинация; спортивный дискурс; языковая картина мира; языковая личность; лингвокультура.

Седых Аркадий Петрович, д. филол. н., проф.
Котенева Инна Анатольевна, к. филол. н., доц.
Смирнова Любовь Викторовна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
sedykh@bsu.edu.ru; koteneva@bsu.edu.ru; litvinchuk_lyubov@mail.ru

Спортивная номинация: универсальные и национально-культурные аспекты

Актуальность работы определяется все возрастающей ролью спорта и спортивной терминологии в жизни современного человека, недостаточно изученным является также спортивный вектор национальных языков и коммуникативного поведения.

Современный мир не может жить без спортивной активности, особенно в последние десятилетия. Увлечение спортом есть своеобразная революция планетарного масштаба. В этом смысле Россию и Францию, которые являются высокоразвитыми спортивными странами, можно назвать обладательницами зрелого спортивного